

- Мой отец был «искрой» на «таинственном пути», одним из семнадцати стражей Священного кристалла. В то время я была примерно того же возраста, что и та девушка с длинной косой, но мне не так повезло, как ей. Путь, который я хотела выбрать, всегда отвергал меня.

- Поэтому я могла только смотреть, как они один за другим умирали передо мной. Последним был мой отец. В самый опасный момент он, отчаявшись, заставил меня проглотить Священный кристалл и заставил поклясться, что даже если я умру, мое тело не попадет в руки чужаков... Позже он сам погиб, даже не успев передать мне свою искру.

- Но меня «таинственное» отвергало так много лет, что даже если бы он передал мне свою искру, вряд ли что-то изменилось бы. И именно потому, что я была обычным человеком, я смогла прожить так долго.

Она улыбнулась: - Сейчас, когда я вспоминаю, это кажется таким странным. Я помню, что тот кристалл был размером с половину кулака, тяжелый, но тогда он не застрял у меня в горле и не пробил желудок. Когда камень скользнул в мое горло, он словно уменьшился и стал легче, как будто я проглотила горошину. Пищеварительный тракт обычно не может удерживать инородные тела, но ты остался там.

Ворон не улыбнулся в ответ: - Я боюсь огня?

- Нет.

- Я провел много лет в затонувшем корабле, так что, наверное, устойчив к коррозии.

- Угу.

Поэтому она не могла умереть, потому что даже если бы она сгорела дотла, камень, как проклятая реликвия, все равно бы остался.

Ворон открыл рот, чтобы сказать «извини», но почувствовал, что это неуместно. Вместо этого он спросил: - А что было потом?

- Я всегда чувствовала тебя. Когда я была маленькой... когда еще мечтала стать искрой, я каждый день ходила с другими детьми в место, где мы поклонялись осколкам огненного кристалла. Ты давал мне ощущение, похожее на то, что я чувствовала рядом с этими осколками, но не совсем такое же. Позже я поняла, что, вероятно, потому что они были мертвыми, а ты - живым.

Ворон не перебивал, прикладывая холодную руку к левому глазу, он молча слушал.

- В то время я также время от времени видела странные сны, возможно, из-за тебя.

- Что тебе снилось?

- Чаще всего мне снился очень высокий человек, лицо которого я не могла разглядеть, но я чувствовала, что он был очень старым, потому что он стоял с такой мощной аурой, как гора. - Графиня посмотрела на Ворона, - Я одно время думала, что ты вырастешь таким, но... судя по всему, разница все же велика.

Ворон сухо ответил: - Извини.

Он не был ни мощным, ни тяжелым, и, возможно, даже не дожил бы до «преклонного

возраста».

Графиня: – Были и другие обрывки сцен, но я их уже не помню. Странно, но в то время я много размышляла над значениями этих снов, придумывала бесчисленные интерпретации, а теперь, когда говорю об этом, почти все забыла. Видимо, возраст берет свое.

Зачем она так старалась интерпретировать эти сны?

Ворон почувствовал, что последует дальше, и его желудок вдруг скрутило от боли.

Затем Графиня с самоиронией произнесла: – В подземном городе, такие «ягоды», как я, независимо от их «качества», стоили очень дешево, почти как подарок. Те, кто постарше, еще могли выжить, но в моем возрасте, только что вышедшем из детства, без сильных лекарств шансов выжить было мало, и Хапократы это прекрасно понимали. У меня в бедре всегда был спрятан яд, чтобы покончить с собой. Но я выжила, потому что в то время у меня была мечта...

Все страдания, которые она перенесла в таком юном возрасте, были испытанием от неизвестного божества, чтобы подготовить ее к великой миссии.

– «Таинственное» отвергло меня, возможно, потому что я была избрана «Священным кристаллом», и мой путь был уникальным.

Разве это не объясняло все?

– Именно эта надежда помогла мне выжить.

Однако в мире не было богов, а если они и были, то давно покинули человечество и не стали бы миловать такую маленькую, как она.

– Когда ты родился, я еще не до конца понимала, что такое роды, но я почувствовала, что Священный кристалл покинул меня.

Графиня говорила очень субъективно, и Ворон попытался понять ее слова: – Значит, камень перешел ко мне...

– Нет, ты и есть он. Ты был в моем теле больше года, я знаю. – Графиня говорила это с уверенностью и спокойствием, которое Ворон не мог себе представить.

Ее отец, друзья, она сама... жертвы, как живые, так и мертвые, привели лишь к разочарованию.

Так называемый «Священный кристалл» не помог ей встать на новый путь, не принес новой искры, он превратился в бездушную оболочку.

И самое жестокое было в том, что это разочарование не было полным, потому что она не знала, может быть, это было еще одно испытание, и сегодняшний дурак завтра проснется искрой.

Завтра, и снова завтра.

Семнадцать лет, восемь детей, прерванный путь, искры, превратившиеся в пепел, и одно животное.

Ворон не знал, что ответить.

Они оба замолчали, и только слышались тихие звуки еды и питья неподалеку, как будто это

были крысы.

Хотя это Ворон начал разговор, теперь Графиня не могла вынести тишины и почти с нажимом спросила: – Ты хочешь узнать что-то еще? Спрашивай.

У Ворона действительно было много вопросов.

Например, что это за «три пути», о которых она говорила, как выглядит «чистый огненный кристалл» и сколько у него осколков.

Например, что за «ощущение» заставило ее так уверенно поверить, что в мире возможно такое нелепое и фантастическое событие, как «рождение человека из кристалла».

Например, откуда она родом, кто предал ее семью, почему она смотрела на Жасмин с отчуждением, почему она не сотрудничала с мистером Прометеем, что она читала втайне в кругу «ягод»...

Ворон открыл рот, но замешкался с ответом, а Графиня уже начала нервно тереть руки и, не дожидаясь вопроса, продолжила:

– Нам повезло, Хапократы, увидев тебя, решили оставить тебя как производителя. Производители развиваются позже, оптимальный возраст – от шестнадцати до двадцати четырех лет, и это дало нам немного времени.

Она продолжала заполнять пространство между ними словами, как будто это могло отвлечь ее внимание от Ворона.

– Но я не ожидала, что этого времени будет недостаточно. Шестнадцать лет пролетели быстро, и я так и не нашла возможности, крысы хотели продать тебя. В конце концов, мне пришлось использовать особые меры, чтобы оставить тебя, даже если это было только тело. Если бы я знала раньше...

– Графиня, – вдруг прервал ее Ворон.

Графиня неестественно улыбнулась: – Хотя ты и Священный кристалл, но с биологической точки зрения, ты должен называть меня «мамой», верно?

Ворон развел руками: – Ты же не хочешь этого слышать, зачем мне называть?

Графиня словно получила неожиданный удар.

– «Графиня» – это имя, данное тайным кланом. Какое у тебя настоящее имя, можешь сказать?

Графиня не ожидала такого вопроса и на мгновение замерла. После короткой паузы она попыталась вспомнить, но на ее лице появилось затрудненное выражение.

– Конечно, могу... но я действительно не могу вспомнить. Если считать, то я ношу имя «Графиня» дольше, чем свое настоящее имя, и уже привыкла к нему. – Она снисходительно сказала, – Если тебе так не нравится имя, данное тайным кланом, можешь называть меня как-то иначе, просто дай мне знать, что это ко мне относится.

Это звучало знакомо, Габриэль, кажется, говорил что-то подобное.

– Ладно, – кивнул Ворон, – До сих пор это я задавал вопросы. У тебя есть что спросить у меня?

Откуда я взялся? Действительно ли я искра? Почему я вдруг перестал быть дураком? Что я могу сделать для тебя, для твоего прошлого и будущего?

Графиня снова замолчала.

И тогда Ворон понял, что сложное выражение на лице Графини, смесь радости и досады, когда она смотрела на него, было не только из-за того, что он «опоздал». Ее ненависть, когда она отравила его, была не только разочарованием в том, что он дурак.

Его существование вызывало в ней ненависть.

Однако она не могла признать эту ненависть, потому что тогда, что значила бы вся ее жизнь?

Она даже боялась столкнуться с тем, что за монстр на самом деле был этот «Священный кристалл», ради которого она отдала все.

К счастью, в этот момент Май спас взрослых, попавших в безвыходное положение.

Май за всю свою жизнь ничего не делал, кроме как ел и был съеден. Впервые, после того как он разрушил кучу чипов, он почувствовал чувство удовлетворения. Держа в руках «автоматический извлекатель чипов», он, не насытившись, искал «ускользнувшие чипы» и, увидев Графиню, подбежал к ней, прыгая и скача.

- Эээ... вы, - он с энтузиазмом ткнул в кончик волос Графини, готовясь продать ей что-то, с улыбкой, - чип извлекли?

Графиня сбежала.

Ворон потрогал губную гармошку и, увидев неподалеку Жемчужину с почерневшим лицом, улыбнулся, чтобы успокоить ее.

В этот момент Жасмин широким шагом вошла и села рядом с ним: - Слушай, а что с твоим левым глазом?

- Перенапряг его, - Ворон ответил без тени смущения, - так что тебе тоже нужно следить за гигиеной глаз, малыш, а то ослепнешь, и не найдешь магазин очков, а потом придется грабить крыс.

Внимание ребенка легко переключить, и, как только зашла речь о «крысах», Жасмин снова начала нервничать: - Что нам делать дальше?

Она посмотрела на людей в этом временном убежище - беременные женщины и дети.

Это легко понять: кроме «монахини», только «матери-производительницы» в краткий период лактации могли не беременеть. Мужчины почти все были инвалидами, либо физически, либо умственно. Крысолюди были хитры и жестоки.

«Пастушьи собаки», отвечающие за весь круг, матери с младенцами, инвалиды - все они во время побега неизбежно отставали и поэтому упускали шанс на спасение.

Не дожидаясь ответа Ворона, Жасмин нахмурилась: - Подожди, дай мне подумать... Мне кажется, здесь все-таки безопаснее, чем на поверхности, еды и воды хватит на какое-то время. Может, нам стоит спрятаться здесь, подождать, пока они закончат драться, а потом бежать?

Ворон покачал головой: – Подумай еще.

Жасмин: – Их снаряды долетят до подземелья?

Велоцираптор тоже подошел поближе.

Ворон поманил к себе Клубнику и Мая, который уже извлек чипы, и собрал команду беглецов на совещание.

– Конфликт такого масштаба – это не дело одного города... возможно, даже не одного района. – Ворон сразу поднял планку, что было непривычно для людей, которые с рождения не покидали Сияющий город.

Велоцираптор, невежественный и бесстрашный, высказался: – Козерожья область – наша территория, они всего лишь мигранты, а у нас есть одаренные и армия...

Жасмин громко засмеялась, язвительно: – Кто это «мы», собака?

– Ты!

– Давайте искать общее, а не ссориться. Брат Полицейский, постарайся уступить ребенку...

Велоцираптор, услышав это, попытался сохранить достоинство.

Ворон с отеческой заботой сказал: – Иначе тебя снова побьют.

Велоцираптор: – ...

– Я знаю, что это Козерожья область, и отряд одаренных может сровнять подземный город с землей. Но услуги одаренных, наверное, недешевы, верно? Люди и лошади тоже требуют денег. Почему наш захолустный уголок стал таким беспокойным? Потому что он далеко от центра, и здесь нет ресурсов, так что тратить деньги на его обустройство невыгодно.

Велоцираптор: – ...

– Что касается другой стороны, так называемых «ястребов», вероятно, это те, кто имеет влияние в армии и хочет найти предлог, чтобы потратить ресурсы обороны... областной обороны, расширяя влияние своих семей. Проще говоря, они хотят урвать больше – как сегодняшний конфликт будет оценен в итоге, зависит от того, кто победит: восточный ветер или западный. Не спрашивайте меня, я не знаю, кто такие «восточный ветер» и «западный ветер», я даже не знаю, где находится этот угол.

Май, у которого голова пошла кругом: – Значит, они не скоро закончат драться? Мы не умрем с голоду?

– Нет, этот конфликт должен закончиться быстро, – Ворон похлопал Велоцираптора по плечу, – Брат, я скажу тебе правду, не обижайся. Несмотря на весь шум от твоих пушек, они скоро отступят. Когда они начнут отступать, это будет наш последний шанс. Если мы не убежим сейчас, когда большие медведи захватят подземный город и начнут долгосрочное противостояние с поверхностью, нам будет сложно воспользоваться хаосом.

Велоцираптор, конечно, был недоволен: – Почему?

Разве благородные вампиры не смогут победить этих мятежников из тайного клана?

Ворон с сочувствием посмотрел на него: – Потому что ваш шериф скоро умрет.

Велоцираптор хотел возразить, но, вспомнив что-то, содрогнулся: – Ты имеешь в виду того... белого...

Он пробормотал что-то, проглотив слово «дьявол».

Жасмин сразу выпрямилась, возбужденно трясла его: – Так что это за способности у Габриэля, они сильные? Ты понял?

– Я не могу понять, я не Левенгук. Пожалуйста, уважаемый искра, пощади меня, я не такой крепкий, как брат Полицейский! – Ворон вырвался из ее рук, – Это всего лишь догадка – я думаю, он может красть способности вампиров.

– Это я тоже поняла, – кивнула Жасмин, – но он сказал, что уже использовал их. Он соврал?

Ворон лениво ответил: – Вряд ли, он не похож на того, кто любит врать.

– А почему? – спросила Клубника, – Он хороший... хороший человек?

– Не в этом дело, – Ворон почувствовал, что эта девушка психологически еще моложе, и проявил к ней больше терпения, – Врать – это хлопотно, поэтому День дурака только раз в году. Люди врут, когда находятся в невыгодном положении или когда у них нет выбора. Кто станет мошенничать, если можно просто отобрать?

Клубника: – ...

Жасмин за свою жизнь видела мало надежных взрослых, и, наконец, поймав одного, хотела подражать ему. Подумав, она сказала: – Тогда как он убьет шерифа, притворившись вампиром и проникнув внутрь? У него точно есть другие способности... Я знаю, у него точно есть одежда других вампиров!

Май и Клубника одновременно содрогнулись.

Ворон улыбнулся, намеренно или нет, он провел рукой по своей шее: – Если бы это было так, наш архангел мог бы убить шерифа на поверхности, там условия лучше, верно?

– Шериф – одаренный, и, говорят, у него много «одаренных предметов»? Его должно быть сложно убить, – сказала Жасмин, – Может, он хочет, чтобы тайный клан сначала подрался с ними, ослабив силы вампиров?

– Нет, вызывать хаос – это как разжигать огонь, – Ворон, имея большой опыт в этом, сказал, – когда он разгорится, его уже не контролировать, и никто не знает, как все закончится. Использовать это для ослабления врага ненадежно. Например, если прибудет подкрепление, и шериф одумается, спрятавшись под защитой своих подчиненных, в таком хаосе ангелу будет сложно поймать его и наказать, разве это не будет ошибкой?

Жасмин: – Тогда зачем он вызвал хаос?

В то же время, далеко на поверхности, кто-то почти одновременно с Жасмин произнес: – Тогда зачем я вызвал хаос?

– Способности шерифа, судя по всему, не боевые, поэтому, как только начнется конфликт, он обязательно использует много одаренных предметов, – Ворон, как будто боясь, что кто-то не

услышит, намеренно замедлил речь, - Я думаю, архангел не только может каким-то образом красть способности вампиров, но и может использовать предметы одаренных на месте, чтобы поднести их... шерифу.

- Что касается времени его атаки, - Ворон поднял голову, в комнате с чипами крысолюдей висели часы, - Архангел, кажется, очень церемониален, Габриэль в легендах - «серафим», хм... полдень - нет, по привычкам вампиров это «полночь», кажется, это ему подходит...

До этого оставался час, как раз достаточно, чтобы эти люди отдохнули.

- Раз ты молишься мне... - Габриэль протянул руку и обернул вокруг пальца золотую нить, висевшую у него на ухе.

- Ладно.

<http://bllate.org/book/14692/1312842>